

АКАДЕМИЯ ЛАЗУРНЫХ ГОР

Дензиля Элиота

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ТОМ, КАК ВОЗНИКЛА АКАДЕМИЯ ЛАЗУРНЫХ ГОР

Многим, от друга; и немногим от друзей.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ДЛЯ ПРЕДИСЛОВИЯ

Some words, for many friends; And,
A few words, for some friends. By
a friend; And, by a few friends.

Вы помните: Академия, это был сад подле Афин, и, вероятно, вы помните, что такое был этот сад в славные времена Афин, и пока были времена людей, мысли которых сформировались в те времена. Впрочем, очень возможно и не помните, что такое был он тогда: это плохо помнят многие известные ученые, авторы переполненных ученостью книг об истории древней Греции или греческой философии. Но вы, вероятно, помните. А во всяком случае, это легко припомнить.

Славные времена Афин, вы помните, были: от Маратонской битвы до Пелопоннесской войны. От начала этой войны до того года, когда Спартанцы, с музыкальным торжеством, при звуках флейт, разрушили стены Афин, прошло больше двадцати пяти лет. Афиняне скоро успели восстановить свою независимость. Но положение дел оставалось тяжелое для них. Так прошло еще лет пятнадцать, — и начала блистать славой Академия: Платон стал преподавать в ней свое учение. Это было больше, чем через сорок лет после того, как миновали славные времена Афин.

В славные времена Афин, и пока были времена людей, образ мыслей которых установился в славные времена Афин, Академия не имела и не должна была иметь блеска. В те времена, нельзя было сказать о ней ничего эффектного. После, мало и вспоминали о ней, тогдашней, неэффектной. И теперь, если бы вы хотели знать о ней много, это было бы желание несбыточное: ваши источники знания о ней очень скудны. Но, хотя не без прибавки предположений, — впрочем, совершенно простых, и благодаря тому, или близких к истине, или вовсе совпадающих с нею, — вам можно иметь, и, вероятно, вы имеете, достаточно ясное понятие о характере и значении Академии в те времена.

Сад, Академия в те времена и была просто: сад. Большой и хороший, это правда; но обыкновенный тогдашний сад, с многочисленными, хорошими, просторными, открытыми свежему воздуху, светлыми, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними садовыми постройками; с обширными, хорошими, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними приспособлениями и построек и самой местности к тому, для чего хорошо годятся сады, чему хорошо быть в саду; и, только. Обыкновенный сад, просто, и, только. Хороший, это правда. Но, обыкновенный. Не один такой тогда; и, не более хороший, чем другие такие же. Но, хороший. — Хороших садов, нельзя не любить; потому что хорошо, пользоваться ими: приятно. Конечно, если пользоваться ими хорошо, как сообразно с природою садов, как должно по здравому смыслу. И Афиняне тех времен любили свою Академию, как другие свои такие сады; за то, что она хороший сад. Только. И, пользовались ею, как хорошим садом. Только. Пользовались хорошо. Как именно, — вы, по всей вероятности, знаете!

В тени аллей и под навесом колоннад, весело готовились там юноши к трудам дел жизни играми, разумными и благотворными как труд. Приходили туда, гулять, отдыхать деды, отцы, возмужавшие братья юношей. Они приходили: для прогулки, для отдыха; но разумеется: останавливались полюбоваться на игры своих милых младших. Останавливаясь, они хотели быть только зрителями, эти старшие. Но из этих зрителей, солидных людей, старших, бывало, кто помоложе, увлекались, засмотревшись: принимались и сами играть вместе с юношами. Случалось это с иными и старшими из старших. По тогдашнему, это не было предосудительно, как не предосудительно это и ныне, по мнению огромного большинства умных и добрых людей. — Вероятно, вы расположены думать: — Да, из тех старших, которые играли вместе с юношами, многие начинали играть только засмотревшись. Но, без сомнения, были и такие, даже между старшими из старших, — которые прямо с тем намерением и приходили в Академию, чтобы играть. И, конечно, они не скрывали того: по тогдашнему, в том не было стыда. Ваше предположение совершенно справедливо.

И, играли, не стыдясь, — и вообще, очень успешно, потому что от всей полноты усердия душевного, — вместе с сыновьями отца, со внуками деда, у кого сохранилась свежесть сил, и была охота.

А другие старшие, постоявши, посмотревши, вспоминали, что пришли не затем, чтобы стоять и смотреть; отходили в другие аллеи, под другие колоннады, где нет шума и беготни. Любители ходить, прогуливались; группами, чтобы разговаривать; для того, чтобы приятнее шло время. — А те, кому было довольно и той прогулки, что пришли в сад, располагались отдыхать; тоже, группами; тоже, чтобы разговаривать; для того же: чтобы приятнее шло время. Гулявшие, нагулявшись; игравшие наигравшись, — присоединялись к отдыхающим. И, все шли, все оживлялись, разговоры в увеличивающихся группах отдыхающих. Разговорами, вызывались рассказы; рассказы давали новые материалы для разговоров.

Так, отдыхали; и, приятно шло время отдыха.

— «Приятно шло время отдыха»; и будто бы, в самом деле только? Вопрос важен. Говоря серьезно: в самом деле, только?

Серьезно говоря: в самом деле, только. Вы сами знаете, что так. Напрасно вы и спрашивали. Вы помните: то была Академия славных времен Афин и времен людей, в которых оставался жив дух славных времен Афин.

Неглупые люди были, Афиняне тех времен. Но простые люди были они. Саду, следует ли быть садом? По своему нехитрому пониманию вещей, они полагали: саду следует быть садом. И, сад, их Академия, была в самом деле, сад; место для развлечений и для отдыха; не место ни для чего, мешающего развлечениям и отдыху; потому не место ни для педантизма, ни для ученого пустословия, ни для ученого шарлатанства.

Вы знаете это. Ваш вопрос был напрасен.

Правда, во всяком многолюдном собрании бывают люди, которым вовсе не зачем тут быть, и которые, без особенной потери для приятного общества, могли бы и не делать ему удовольствия своим присутствием в нем. И, очень вероятно, что вы предполагаете: быть может, посещал иногда ту Академию какой-нибудь человек своеобразного характера, для которого отдыхом было то, что для других утомительное занятие. Быть может, вы так добры к нему, что думаете: он не был педантом. Если вы так думаете, вы, по всей вероятности, правы: педантов не терпела та Академия; а его, как вы сами предполагаете, она терпела. — Он был человек без претензий, — думаете вы: — и нельзя порицать Академию за то, что она терпела его. Но он должен был бы понимать, что такому человеку, как он, незачем проводить часы отдыха в многолюдном собрании. И, если он понимал это, тем больше надобно порицать его за то, что он посещал Академию. Он заслуживал название мастера наводить скуку на людей.

Вероятно, этими вашими соображениями и будете вы оправ-

дывать ваш вопрос. Ваши соображения справедливы. Но ваш вопрос, все-таки напрасен.

Пусть и не подлежит ни малейшему сомнению, что посещал иногда ту Академию какой-нибудь человек, вполне заслуживающий названия мастера скуки. Но что ж из того? — Кому была охота рассуждать с ним во вкусе, приятном ему? Естественно: никто не желал скучать.

Конечно, иной раз мастеру скуки удавалось собрать около себя группу для ученых рассуждений, захватывая в плен неопытных, неосторожных, или слишком добрых к нему людей. Но — какая же и была эта группа? — Малочисленная; маловажная, сравнительно с другими, ничего не значащая для них. Да и та, не могла долго удержаться. Кругом, шли живые разговоры, интересные рассказы; пленники мастера скуки завистливо поглядывали на другие группы; кто из них похрабрее, дезертировали; мастер скуки смущался духом; и пользуясь упадком его мужества, остаток пленных окончательно разбежался.

Что ж это было для Академии? — Смех, когда это замечали; а по большей части, вероятно, и смеха не было, потому что и не замечала того Академия. Ваши чувства относительно мастеров скуки похвальны. Но вы видите, что напрасно вы вспоминали об этом почтенном классе людей. Не стоило того.

Совершенно иное дело, поговорить о тех группах, в которых были наиболее оживленные разговоры, наиболее занимательные рассказы. Эти группы росли; другие к ним примыкали. Ими определялся характер Академии; они одни имели значение в ней. — В них, что было целью разговоров и рассказов? Отдых, приятность отдыха. Как в том сомневаться? Иначе не могло быть, по самой сущности дела.

Конечно, участвуя в этих разговорах, слушая эти разговоры, можно было, довольно часто довольно многим из бывших тут, а иногда и большинству их, узнать что-нибудь такое, чего не знали они прежде; и, почти всегда, многим, а не редко, может быть, и всем, кроме очень немногих, научиться яснее прежнего понимать вещи, всегда всем известные. — Если у вас есть это предположение, то — против правды, не годится спорить; надобно признать: действительно, было так.

Не подлежит сомнению: было это, потому что никак не могло не быть этого. Люди научаются, когда идет у них обмен мыслей. Это неизбежно. Это неперменная принадлежность, ежедневный и вечный результат разговоров и рассказов отдыха. Везде и всегда было так. И везде, всегда так будет, пока будут существовать люди. Это закон человеческой природы.

Это было в той Академии. И, конечно, это составляло не совершенно ничтожную долю той пользы, какую получали от своей Академии Афиняне тех времен. Но не в этом была главная польза от нее; и не было заботы о том, чтобы была от нее эта польза.

Да. Научились. Это было. И это было не бесполезно. Но приносило это пользу лишь потому, что не было никакой (заботы) о том, чтоб это было и приносило пользу. Забота о том, чтоб это было, убивала бы это. Забота душист отдых. А гибнет отдых, то, разумеется, гибнет и всякая польза, какая была б от него; всякая; то есть, и эта, довольно важная, но не главная польза его. Он существует лишь при отсутствии всякой заботы; всякой; то есть, и заботы о какой бы то ни было пользе от него. Забота о пользе нужна для труда; оттого, что труд не сам по себе нужен человеку, а только для своих результатов. Отдых нужен человеку сам по себе. Результаты его полезны. Но главная его польза — самое его существование. Цель труда — вне труда; цель отдыха в нем самом.

«Нужен труд», — неумолкаемо ни на минуту, с утра до ночи раздается оглушительный крик повсюду, повсюду во всех странах людей английского языка. Труд нужен, но нужен ли этот крик? Разве ленивы, люди английского языка? Не обида ли им этот крик? Не бессмыслица ли он? Не вредная ли бессмыслица он? Не гораздо ли больше, чем о необходимости трудиться, склонны забывать люди английского языка о том, что чрезмерный труд и неуспешен, и гибелен?

Нужен людям труд. Да. Но и отдых нужен людям. Много отдыха нужно человеку, много.

Это помнили Афиняне тех времен. И, пользовались для отдыха всем, что может хорошо служить для него. И, в числе всего другого, садами; и, в числе других своих садов, Академиею. И, полезен был для них этот отдых; собственно тем, что он был отдых.

Когда время отдыха идет приятно, люди отдыхают больше, отдыхают лучше, нежели было бы без этого. Этому служили разговоры и рассказы отдыха Афинян тех времен в их садах, и, как в других садах, в Академии. Собственно тем, и были полезны.

Такова была, — отчасти, знаете вы; отчасти, предполагаете вы; отчасти, немножко, и фантазируете вы быть может. — Такова была Академия славных времен Афин и времен людей, в которых был жив дух славных времен Афин.

Блеска не имела она, не должна была иметь его. Без блеска, лучше было ей быть. Без блеска, больше веселости в развлечениях; и чуждается блеска отдых. Без блеска, неэффектная, не была она знаменита. Но достойна любви, и любима, она была.

То было очень давно. Обычай цивилизованных наций теперь во многом из того, в чем одинаковы у всех, несходны с тогдашними греческими. И некоторые из различий, бесспорно, в честь и в добро цивилизованным нациям нашего времени. Об одной из таких, надобно сказать здесь. О какой, вы знаете наперед. Но вы согласны: надобно же сказать.

Ныне, у всех цивилизованных наций, в том числе и у людей всех стран английского языка, многолюдные собрания для развлечений и отдыха — собрание не одних только мужчин, а людей в целом составе семейств и семейных кругов родства, дружбы и близкого знакомства.

По мнению вашего собеседника, этого было бы и довольно, о нашей Академии. Но те лица, по желанию которых он беседует с вами, полагают, что он должен познакомить вас с нею несколько больше. Они ошибаются. Но и вы, по всей вероятности, думаете так же, как они; уступая им и вам, он удовлетворит вашему любопытству, насколько то возможно, по его мнению.

В одной из тех стран, растительность которых роскошна, есть не очень длинный и не очень высокий горный хребет, в котором много очаровательных местностей; в особенности, по южному его склону.

Одна из самых лучших местностей этого склона — одна из самых обширных долин его. В верхних, гористых частях ее много всяческих, так называемых, чудес природы: там лабиринты скал яркого цвета, подобных своими очертаниями, то развалинам гигантских зданий, то колоссальным изваяниям; там пещеры с громадными сталактитовыми залами, амфилады которых едва ли кто когда проходил до конца; там величественные ущелья, обрывы, стремнины, высокие многоводные водопады. И, довольно об всем этом.

Долина богата водой. И озера ее, луга ее, рощи ее прекраснее всего, что может мечтаться человеку, не бывшему в странах подобных той, любимых солнцем. Вся обширная долина — огромный натуральный парк.

В ровной, или почти ровной, лишь слегка холмистой половине парка, часть местности приспособлена к удобствам человеческой жизни. Это сад нашей Академии. Сам по себе, он очень велик: и в длину, и в ширину он имеет по несколько миль. Но он лишь довольно маленькая доля парка.

В саду несколько дворцов; несколько других громадных, великолепных домов; несколько домов небольших и нероскошных, но все-таки очень хороших, множество легких построек, для развлечений и отдыха: павильоны, галлерей, открытые колоннады с навесами. Само собой разумеется, что сад украшен бесчисленным множеством статуй и всего тому подобного. И, довольно обо всем этом.

Несколько времени тому назад, парк и сад были уступлены, по отношениям родства и дружбы, во владение людям вашего языка. Эти лица пригласили своих родных, друзей и близких знакомых погостить у них в той очаровательной местности того милого края дивной страны, любимой солнцем.

Тем началось дело. Скоро, оно получило более широкое развитие и более прочный характер, как и было то предполагаемо.

И, через несколько времени, во дворцах, и домах сада поселилось многочисленное общество людей английского языка; некоторые из них не надолго, — другие надолго, или навсегда.

Так возникла наша Академия. И, довольно этого о том, как она возникла.

Разные семейные круги нашего общества постоянно собирались, — то отдельными группами, то многие, или даже все вместе — для развлечений и отдыха, — то, в своих дворцах или домах; то в боскетах и на полянах сада, в павильонах и под навесами колоннад, или под открытым небом. Развлечения были веселы, как знает это ваш собеседник по всеобщим отзывам. И часы отдыха, в разговорах и рассказах без претензий, проходили приятно, как он знает по тем отзывам, да и сам видел, когда бывал тут, — это, было не редко, — более или менее невнимательным и постоянно молчаливым слушателем.

Хорошо было в нашем прекрасном саду. Будет ли и продолжаться так?

Сказать: «нет», — не хотел бы ваш собеседник. Сказать: «да», было бы рискованно, думают те лица, по желанию которых он беседует с вами.

Во всяком случае, первый период существования нашей Академии закончился.

И, решено издать сборник рассказов, которые были импровизированы (и стенографированы) или читаны в тех собраниях, на которые было приглашаемо общество нашей Академии.

Те лица, которые решили издать эту книгу, недовольны этою программю книги. Они правы. Само собой понятно, что рассказы, импровизированные или читанные в маленьких, интимных кругах, могли иметь такие достоинства, каких странно было бы требовать или ожидать от романов или повестей, чем по необходимости были рассказы в многочисленных собраниях. Понятно само собой и то, что разговоры по поводу какого-нибудь романа, хотя бы и очень занимательного, могут быть гораздо более интересны, чем самый роман.

Ваш собеседник понимает это. И не может не согласиться с мнением лиц, принявших на себя труд составления сборника, предисловие к которому пишет он: программа сборника очень дурна. По ней, не должно быть взято в книгу ни одного слова даже из тех разговоров, которые были в собраниях всего общества нашего сада, не только из разговоров более интимных. Это очень жаль. И, не менее жаль, что по программе сборника, безусловно устранены от помещения в ней всякие рассказы, кроме слышанных всем обществом нашей Академии.

Программа узка, тесна; она дурна, она очень дурна. Но она — единственная, возможная по мнению лиц, порицающих ее.

Почему, она единственная, возможная, это не требует пояснений, полагает ее автор.

Книга, которая будет составлена по этой программе, будет несравненно менее хороша, нежели мог бы быть сборник, составленный по программе, хоть немножко более стеснительной. Это не подлежит сомнению. Но все-таки, книга будет хорошая. И, надобно, удовольствоваться тем.

Впрочем, дурная программа имеет и хорошую сторону, — эта сторона программы та, которая обращена к Беседке Скуки, *Boe Bower*.

Скрывать, было бы напрасно; потому что вы не могли не предугадывать: в саду нашей Академии существовала Беседка Скуки. Но она была безвредна для Академии. Если собиралась иногда в этом маленьком храме жертвоприношений в честь Богини Кабинетного Сора группа для ученых рассуждений, то была лишь доброй уступкой со стороны нескольких ученых своеобразному характеру человека, которого любили они за то, что он, познакомившись с ними в Академическом саду, полюбил их.

Программа говорит, что в сборник не войдет ни одной страницы, ни одной строки из достохвальной груды «Трудов почтенного Общества Беседки Скуки», Основателем, Президентом и Единственным Членом которого был ваш, уважаемый вами, надеется он, — и скучный? — он знает это: скучный — собеседник.

С отъездом его из Академического сада, Беседка Скуки становилась никому в Академии не нужной, и ваш собеседник настоял на том, чтоб она была сломана.

Автор программы Сборника Рассказов Академии —какой? — он предполагает, что удобнее всего будет называть нашу Академию

«Академиею Сада в Парке», *Parkgar den Academy*; и так,

Автор программы Сборника Рассказов Академии Сада в Парке.

То было написано вашим скучным собеседником при отъезде его из Академии Сада в Парке. Это было два дня тому назад. Теперь, он прибавит к своему прежнему объяснению с вами несколько подробностей, которых не следовало бы, по его мнению, сообщать вам.

Тот не очень высокий хребет, в одной из долин которого, по южному склону его, находится сад нашей Академии — Лазурные Горы.

Мы — четыре семейства, отправляемся в кругосветное плавание.

Те лица, которые решили издать этот сборник и приняли на себя труд составить его, провожали нас. Пришло время расстаться нам и с ними. Еще две, три минуты, — и, они перейдут с этой яхты на свою, чтоб плыть к берегу и возвратиться в Лазурные Горы.

Они требуют, чтобы я стенографировал; исполняю их желание.

(Стенографировано.)

Академия Лазурных Гор остается верна своему скромному, доброму предназначению.

Не сомневайтесь в том. Она останется и без нас такую же, чуждой претензий, скромной, доброй, какою была при нас. И, будет развиваться. И когда мы навестим ее, — когда-нибудь, навестим же мы ее, — мы найдем, что она стала лучше, нежели была в наше время. Это верно.

Это было сказано не мною. Но и я думаю теперь точно так же.

Сомнение было напрасно.

Наши друзья хотят, чтобы я сообщил вам название яхты, на которой остались мы, и название гавани, в виду которой мы находимся. — Сообщу. —

Мало им и этого. Они требуют, чтобы я сказал вам мое имя. Исполняю их требование.

Эльджернон Голлис.

Яхта «Элида».
В виду Porto Novo.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы решили: расширить план нашего издания, насколько это необходимо.

Мотивы, по которым мистер Голлис хотел, чтобы вам не было рассказываемо ничего о нашей Академии, достойны всякого уважения. Разгадать их не трудно. Мы и знаем их, впрочем, только потому, что разгадываем. Он не высказывал нам их. Говорить о том, чего желал бы он или чего не желал бы он, — манера говорить, чуждая ему. Советуя нам строго держаться узкой, стеснительной программы, которую написал он сообразно с нашими мыслями, какие были тогда у нас, он говорил нам лишь о том, что держаться в границах ее надобно нам по сообразности ее с нашими же собственными мыслями, в наших интересах. Он не охотник говорить ни о себе, ни о своих желаниях и, тем более, не охотник говорить о своих чувствах. А тут дело в чувствах.

Мы уважаем чувства мистера Голлиса. Но что необходимо для нашего издания, то необходимо.

Мы считаем необходимым рассказать вам о том, как возникла наша Академия. Ряд рассказов об этом составит первую часть нашего сборника.

Я, по летам, старший в нашем семейном кругу родства и дружбы. Потому все наши говорили, что я должен подать им пример. И, первым рассказом будет мой.

Я расскажу о том, как я познакомился с теми лицами, отъезд которых из нашего сада заставляет нас и все общество нашего сада сомневаться, уделает ли наша Академия.

Уильям Фуллер.

ОБЕД В КРИСТАЛЬНОМ ДВОРЦЕ

РАССКАЗ УИЛЬЯМА ФУЛЛЕРА

В одном из четвергов второй половины июля прошлого года, — по справке вижу: 23 июля, — был праздник в Кристальном Дворце; большой праздник; и билеты, были дорогие: помнится, по полу-кроне; так ли, негде мне справиться: цена, в моем дневнике не отмечена. Но то верно, что цена была дорогая.

Тем больше было радости дочери одной из моих племянниц, моей любимице — Дженни, когда я объявил ей за завтраком, что я повезу ее в Кристальный Дворец.

Я, по мнению Дженни, был богат, но скуп. Богат я и действительно, был, по сравнению с ее отцом, хозяином крошечной лавочки всякой мелочи, покупаемой на пенсы. И скуп для Дженни я тоже, действительно, был, по сравнению ничтожности моих подарков ей с моей нежностью к ней. Как у всякого истинного Англичанина, у меня счета нет родне. И были семейства или сироты, поддержка которым от меня была необходимее, чем подарки моей Дженни. — Моя была Дженни потому, что на моих глазах росла она с четырехлетней своей поры. Вот уже больше, нежели шестнадцать лет было, что я, старый холостяк, стал жить вместе с Джозефом Гэльзом и Анною Гэльз. На половину мною была вынянчена моя любимица.

Скупой богач оставляет любимицу без хороших нарядов — можно ли было ей любить меня? А она любила меня всей душою.

Добрая была девушка моя Дженни, это уж кроме шутки. Она сама признавала, что у нее доброе сердце. Но непоколебимо было ее убеждение, что она девушка легкомысленная. Она любила книги, музыку, театр; а это, рассуждала она, очень дурно для дочери таких небогатых людей, как ее отец и мать. Это трата времени. А бывать в концертах, в театре, — трата и денег, не только времени. Да и наряды при этом нужны, все-таки, хоть какие-нибудь. Нельзя быть там, одетой по-домашнему. Но книги, хоть они стоят только две кроны в год, — мы с Дженни были абонированы у Мьюди¹ компаниею, вдвоем, платя пополам; — хоть и обходятся так дешево, книги убыточнее всего:

¹ Мьюди, Mudie, громаднейшая из английских фирм, выдающих книги для чтения. (Прим. Н. Г. Чернышевского.)

сколько времени отнимают они. А время — деньги. Умная де-вushка, была моя Дженни.

Но, при ее уме, как же не понимала она, что я не богач и не скупец? — Люди, для которых пять фунтов — крупная сумма, не могут, ни при каком уме, сосчитать: сколько это денег — полторы тысячи фунтов в год? эта сумма беспредельно громадная, неистощимая кажется им и, никто не знал, куда уходят мои громадные деньги. Это открылось уж только после. Я расскажу вам, как я был уличен и кем. Это было дело трудное прочесть на моем стариковском загрубелом лице, не выдающем моих чувств, если я не хочу, — прочесть на нем все мои тайны. Я думал, что это вещь невозможная.

Скупец я был, скупец для всех, даже и не знавших, что я живу у Джозефа Гэльза, хозяина нищенской лавки товара, продающегося по пенсам и что жена Джозефа, Анна Гэльз, моя племянница, и что я плачу им за квартиру и стол почти не больше того, сколько платил бы всякий посторонний жилец. А кто знал это, все осуждали меня.

Но осуждали меня, общие знакомые мои и Гэльзов, только за то, впрочем, что я не даю побольше денег Анне Гэльз на наши домашние расходы. А за то, что я не помогал Джозефу Гэльзу обзавестись торговлею пошире, никто не порицал меня, кроме самого Джозефа Гэльза. Его торговля была в убыток. Будь шире торговля, больше убытка было бы от нее. Сама Анна Гэльз судила об этом правильно, хотя вступалась за мужа, когда осуждали его посторонние люди. Он давал в кредит всем, кого видел нуждающимся. Правду сказать, я любил Джозефа Гэльза не меньше, нежели мою племянницу. Но и от Анны Гэльз я утаивал, что, в сущности, я не имею ничего против ее сострадательности к людям, более бедным, чем описано. Не делать ей наставлений о необходимости быть экономной, то она разорила бы меня. Это серьезно. Оба они были безгранично добрые люди. Сколько денег ни давайте таким людям, пользы им никакой не будет. Эти люди — бочка Данаид.

Вы видите, каков старик Уильям Фуллер по части учености? Он, и бочку Данаид знает. Он все знает, поверьте. Учился он, мало. Лет до тридцати, оставался почти безграмотным. Но он и тогда понимал, что книги — вещь хорошая. И вот, уж больше нежели сорок лет, он усердный читатель.

Дженни от меня и получила это свое легкомыслие, любовь к чтению. И горько упрекала меня за то. Но в других двух легкомысленных ее склонностях, я не был виноват, даже и по ее собственному признанию: «это уже врожденные мои слабости, музыка и театр», говорила она.

Это были слабости, требовавшие нарядов. И я не покровительствовал им, вообще говоря. Но изредка, нельзя же: бывали мы, я и Дженни, в театрах. А в Кристальном Дворце даже ча-

сто. Но в дешевые дни. На праздниках в нем и прежде бывали редко; а теперь, перед тем, о котором начал я говорить, были пропускаемы нами все праздники, вот уже больше полгода. Это была воля Дженни. Ей шел двадцать первый год. Пора ей было начать исправляться от легкомыслия. Мы с нею знали, как исправил себя ото всех своих пороков Бендли Эмин Франклин. Борьбаться со всеми вдруг, не сладить, вздумал он: буду братья за них поочередно, стану искоренять один какой-нибудь; и, лишь когда совсем искореню его, возьмусь за другой. Благодаря этому методу, исправление пошло успешно, говорит он.

Я очень уважаю Франклина. Стало быть, привыкла уважать его и Дженни. Рассудивши, что пора ей исправиться потому, что ей исполнилось двадцать лет, она почувствовала тоже как Франклин, что всех своих дурных склонностей вдруг не одолеет, и начала исправление с одной из них, с праздников в Кристальном Дворце. Они были вреднее всякого другого ее легкомыслия, кроме книг; вреднее даже театра. Не вечер, а день; и светло, как под открытым небом. В оперу легче итти в старом платье, чем ехать на праздник в Кристальный Дворец. И упросила меня Дженни не покупать билетов на праздники в нем.

Полгода слушался я. Но, — смешно стало мне наконец, — и 23 июля, за завтраком я выложил перед исправляющейся девушкой два билета.

О, удивленье! О, восторг! — Но и печаль. Даже не одна печаль, две. Исправление испорчено, это прискорбно. Но хуже того: нет нового платья. Все те полгода не дарил я ей ничего на наряды. И была теперь в душе Дженни борьба такая мучительная, какой не испытывал ни Франклин, никто из мужчин.

Отдать билеты назад в магазин, где я купил их? Или ехать в старом платье? — Горевала Дженни долго над этой альтернативой. Наконец, положение дела стало безнадежным: «теперь уж не возьмут у меня билеты назад; поздно», — сказал я.

И поехала со мной Дженни на праздник в старом платье. О покупке нового не могло быть и речи. Я такой скупец.

Жаль мне было. Едва, едва не завез я Дженни по дороге к омнибусу в магазин, где нарядят хоть тысячу девушек, а не то, что одну, в десять минут. Но, нет, хорошо и это платье, хоть и не новое оно. Не думайте, что меня только считали скупым, не зная моих секретов. Я, и действительно, был скуп до пятидесяти пяти лет. Иначе, как же нажил бы я столько денег? И, через девятнадцать лет после того, я все еще чувствую отголоски прежних моих мыслей: «всякий фарзинг издержка сверх необходимого — мотовство». Но, и кроме того: разве не тратил я на Дженни гораздо больше денег, чем следовало бы по совести?

Я подумал: «нет, и без нового платья тебе много у меня на совести из-за моей любви к тебе», — и будто не заметил, как взглянула она украдкой на окна того магазина.

Через пять минут, Дженни забыла о нем. Умная была девушка. — А пока доехали мы до Кристального Дворца, успел стать весел и я, не говоря уже о ней.

О, блеск, больше полугода не виданный! Не то, что о своем наряде, и о себе самой забыла Дженни. — А когда началась музыка, забыл и я.

— Сэр, позвольте мне отвлечь вас от вашего наслаждения музыкою. Я имею надобность несколько познакомить вас со мною, — и, вот моя карточка.

Подымаю глаза: стоит передо мною широкоплечий гигант, только — плох теперь этот гигант: много покривился на правый бок и лицо изможденное; двадцатью годами он моложе меня, вижу я, двадцатью годами он дряхлее меня. — Взглянул я на карточку: «бывший полковник армии Соединенных Штатов, медик Джордж Гринфильд».